

Чей же он, «наш Петр Миронович»?

В середине февраля в Беларуси широко отметили 75-летие со дня рождения Петра Мироновича Машерова. Состоялся памятный вечер, на могилу были возложены цветы, появились публикации в газетах, самая обширная и заметная из них — «Наш Петр Миронович», беседа с нынешним главой белорусского правительства Вячеславом Кебичем. В этой беседе премьер говорит о Машерове как о подлинно народном герое, национальном лидере, совершенно справедливо настаивая на том, что из истории нельзя вычеркнуть целую эпоху и людей, чьими именами эта эпоха памятна и чьими делами она во многом была творима.

Вычеркнуть нельзя. Оценить и нужно. Но для этого вовсе не обязательно повторять идеологию на основе старых мифов. Равно как — обратным знаком — клеймить позором минувшее, обижаясь на пороки заведомой греховности и аморальности людей, державших в своих руках рычаги власти. Или державших за них, что

Машеров был из тех, кто держал эти рычаги. Но едва ли держался за них. Что не так уж трудно доказать, если вспомнить то особое место, которое он занимал в партийной иерархии, будучи если не гонимым, то во всяком случае не любимым своими выше поставленными «товарищами по партии». Тщательно скрываемая, эта «не любовь» с отвратительной жестокостью проявилась в дни его похорон, резко контрастируя с

чувствами сотен тысяч людей, потрясенных его трагической гибелью.

Машерова действительно любили в народе. И тут очень важно понять, за что.

На мой взгляд, и прежде всего за то, за что не любили в московских верхах: за непридуманное геройство в годы войны, за нежелание смотреть в шамкающий руководящий рот, за достойное неучастие в гонке за звездами и прочей атрибутикой разложения, за простоту поведения,

сочетаемую даже с некой аристократичностью манер, за молодость, наконец, и спортивную подтянутость фигуры, легко узнаваемой то ли на трибунах, то ли среди праздничной (по случаю в основном военных юбилеев) толпы...

Но не только. Его любили в народе еще и за искренность, с которой он сам верил в то, во что верил тогда весь народ. Ни во всяком случае его рабско-крестьянское большинство, беззастенчиво верящее в способность представляемой им власти накормить, обустроить, защитить от ракетно-вражеской напасти, а значит, и ее, власти, неизбежную правоту. Машеров как раз и был олицетворением этой работы на фоне ничинного убожества кремлевских иерархов, хамства местных начальников, лицемерного коварства и чванства провинциальных партийных бонз. По сей день в белорусских деревнях помнят о его молниеносных вертолетных налетах и прилюдных, прямо в поле, разносах колхозных председателей и районных секретарей за невнима-

ние к людям, их заботам и нуждам. В этом смысле он действительно был заодно с народом, свято подтверждая и блюдя, что называется, имидж его заступника. Недаром его популярность выходила далеко за пределы республики. Недаром — и это хорошо помнится — все чаще возникали разговоры и предложения о том, что ему уготована роль руководителя профсоюзов страны. Многие партийные функционеры говорили об этом как о возможном для него наказании. В профсоюзной же среде, отягощенной и униженной своей тотальной зависимостью от партийной бюрократии, этот вариант воспринимался с некоторой надеждой: Машеров, как никто из когорты тогдашних вождей, профсоюзных в том числе, «смотрелся» в роли если не

[Окончание на 2-й стр.]